

«С открытым боли и любви сердцем»: К 70-летию Василя Зуёнка

Для одного из наиболее талантливых и самобытных писателей-современников Василя Зуёнка 2005 год дважды юбилейный: исполняется семьдесят лет со дня рождения и сорок – со времени выхода поэтического сборника «Вясёлы калаўрот», адресованного детской аудитории. Книга стала предвестием появления в белорусской литературе яркого, оригинального поэта, и оно вскоре произошло – с выходом в следующем, 1966 году, сборника лирики «Крэсіва». Искренне приветствовал это событие Г.Буравкин, справедливо отмечая, что автор «вне книжки пережил пору литературной молодости, пору ученичества».

Писать стихи В.Зуёнок начал еще в детстве будучи учеником Мачулинской начальной школы, что в Крупском районе. «Практиковаться в стихосложении» он продолжал во время учебы в Уздацкой семилетке и в студенческие годы: сначала в Борисовском педагогическом училище, позже – в БГУ, на факультете журналистики. «Вне книжки» пережил В.Зуёнок и время долгого и мучительного молчания: своими стихами он никак не мог «попасть в тон, которого требовали газетные консультанты», а неискренним и ненастоящим начинающий автор быть не хотел и не мог.

Книга «Крэсіва» сразу вывела В.Зуёнка на авансцену современной белорусской поэзии и поставила вровень с талантливыми ровесниками, уже имеющими по несколько лирических сборников, – Р.Бородулиным, Г.Буравкиным, Я.Сипяковым. Появление настоящего, сформировавшегося писателя сразу заметил литературный коллега В.Зуёнка В.Короткевич: «Перед нами поэт. Поэт особенный, свежий, со своим зрением, со своим открытым звукам жизни слухом и открытым боли и любви сердцем».

Эта открытость стала определяющей чертой всего последующего творчества В.Зуёнка и проявилась в многочисленных книгах: «Крутаяр» (1969), «Сяліба» (1973), «Нача» (1975), «Маўчанне травы» (1980), «Світальныя птушкі» (1982), «Лукам'е» (1984), «Вызначэнне» (1987), «Лета трывожных дажджоў» (1990), «Чорная лесвіца» (1992), «Пісьмы з гэтага свету» (1995). В произведениях поэта заметно его стремление постичь всю сложность бытия, понять универсальные законы мироздания. Метод художественного познания действительности В.Зуёнком заключается в одинаковом внимании к самым простым явлениям, отдельному «маленькому» человеку и «галактическим» философским проблемам – большое, глобальное не заслоняет от него малого, частного. В.Зуёнок – поэт-философ и гуманист, для которого и росток, и «фундаментальные вопросы человеческого бытия» (В.Гниломедов) равно

важны и ценны. Показательно в этом отношении широко известное стихотворение «Ніхто не пачуў...» из книги «Крэсіва», свидетельствующее о тонком восприятии действительности этим автором. Незаметное для других вызывает в его душе огромный эмоциональный резонанс: «Ніхто не пачуў: / Яблык упаў дасвеццем – / Ля Халопеніч, на Беларусі. / Ніхто не пачуў – / Ні людзі, ні травы, ні вецер... / Ніхто. / А шар зямны / Здрыгануўся...»

Истоки такой чрезвычайной чувствительности – в нелегком, обожженном войной, детстве. Именно оно, по словам самого В.Зуёнка, дало писателям-шестидесятникам творческую почву и основу на всю жизнь. Память о войне, о детстве, омраченном большим общим горем, воплотилась во многих стихах В.Зуёнка. Следует обратить внимание на то, что в произведениях его литературных сверстников – поэтов и прозаиков – Р.Бородулина, Н.Гилевича, Г.Буравкина, М.Арочко, Я.Сипакова, И.Чигринова, В.Адамчика, И.Пташникова и многих других война показывается глазами детей, передается сквозь призму непосредственного детского восприятия. Характерной особенностью их произведений является лиризм – эмоциональная возбужденность, взволнованность как результат личной сопричастности событиям. Это свойство проявляется и в стихах В.Зуёнка, но в осмыслении им военной темы есть свои нюансы. В его лирике война – не только воспоминание о прошлом; поэт подчеркивает, что для многих мир так и не наступил. Начиная уже с первой поэтической книги, В.Зуёнок обращается к проблеме неоконченной войны. Раскрывая ее, автор исследует душевное состояние героев произведений: безногого солдата, который спустя много лет никак не может привыкнуть к ноге «са скрыпам хромавым»; матерей, вдов и невест, долгие дни и ночи ожидающих солдат домой. Для них война продолжается и спустя много лет после Победы.

Неотступная память о драматическом прошлом обостряет восприятие поэтом современности. В.Зуёнок «сейсмографически точно» (С.Гаврусев) замечает ее опасные тенденции. Через все его творчество проходит мысль о равнодушии, постоянной «встревоженности», которые должны руководить поэтом. Высказанное в одном из ранних стихотворений кредо «Хай трывога мне сонцам будзе!» со временем приобретает большее смысловое наполнение, получает глубокое философское осмысление. Так, в стихотворении «У грывотах ашалелых веку...» В.Зуёнок предостерегает от появления «зоны абсалютнага спакою» в художественном творчестве. Тишина, успокоенность, по его убеждению, нужны, птицам, деревьям – только не поэту.

В.Зуёнок, как настоящий художник, «прорастает тревогами» современного мира, одна из которых – запустение деревни с ее многовековой культурой и моралью. Сам выходец из сельской среды, он не может остаться

равнодушным к судьбе «крестьянской Атлантиды» (А.Адамович). Изменив уклад жизни, став горожанином, поэт не забывает о своих корнях, о том, что рожден был пахать, сеять, молотить: «Я трыццаць год на асфальце, / А ўсё яшчэ цяжка хаджу – / Сутулены, / Нібы за плугам, / Над баразною – / Плечы да сонца. / Іду і ўглядаюся долу, / Каб не наступіць / На краску / Ці на жаўрукова гняздо». Неслучаен в его лирике образ поэта-пахаря, работа которого – «у крэсле хісткім загон свой араць».

Генетическое единение В.Зуёнка со своими предками-крестьянами предопределило возникновение в его творчестве мотива возвращения на родину, развитие которого в поэзии разных десятилетий имеет существенные отличия. Взрослел и мудрел лирический герой, углублялось его мировоззрение, знакомые вещи воспринимались иначе, изменялась и сама деревня. В ранних стихотворениях «Добры прыезд», «Вясновая казка» лирический герой выступает беззаботным молодым человеком, приезжающим в родные места как желанный гость. Он еще не изведает того душевного надлома, состояния неустроенности, ностальгической грусти, которые будут сопровождать его в последующие годы.

В лирике В.Зуёнка последних десятилетий получает свое развитие оппозиция «деревня – город». Деревенское и городское соотносятся как духовное и прагматическое, искреннее и искусственное, спокойное и суетливое. Можно ли в связи с этим говорить об антиурбанизме поэта? Думается, его отношение к городу более сложное, чем просто отрицание. В.Зуёнок с позиций сельчанина смотрит на проявления городской жизни и сравнивает, ассоциативно соотносит их с миром деревни. Широкая, с детства привыкшая к простору душа сельского жителя (пусть он и стал горожанином) не может чувствовать себя комфортно в узкой городской «клетке». Усиливает оппозицию ностальгическая подсветка, минорные нотки сожаления о детстве добавляют «идеальности», «розовости» образу деревни. Тем не менее В.Зуёнок не укоряет город за его жесткие нравы, «бездушные», разобщенность и отчужденность его жителей. Наилучшим вариантом, по его мнению, было бы соединение деревенской духовности и приобретений городской цивилизации: «Горад мой, не палічы за здраду, / Што не звёў на ростанях сваіх / Сонечныя вочы палісадаў / І харомы поцемкаў шклянных...»

Полноту бытия поэт чувствует только в деревне – сквозными во всем творчестве становятся «сельские» образы житного поля, перепелки, жаворонка, василька. Все это очень дорого В.Зуенку, на поле он мечтает возвратиться в инобытии («...Памру – сюды хоць аднойчы / Жаўранкам прылячу»).

Гимном родным местам и белорусской земле вообще стала лиро-эпическая пентология В.Зуёнка «Пяцірэчча», произведения которой помогают

проникнуть в душу белоруса, изведать то, что волновало, тревожило, радовало, обнадеживало его на далеких и близких исторических путях. Поэма «Сяліба» (1965 – 1970) – первый вклад в книгу «Пяцірэчка», ее «генетический код». Слабо обозначенная событийная основа произведения стала фоном для передачи «событий» в душе лирического героя, путешествующего по дорогам собственной памяти и памяти исторической. «Сяліба» – поэма-воспоминание, поэма-возвращение: возвращение взрослого в места детства и юности, горожанина – в мир природы, к сельским корням. У В.Зуёнка это не бегство от актуальных, насущных проблем времени, а усиление, акцентирование их путем контрастного противопоставления «природного» «вчера» и «цивилизованного» «сегодня».

Лирический герой с грустью проходит по тропинкам своей юношеской несбывшейся любви. Интимная линия произведения все время пересекается с социальной (соперник героя придерживается совершенно иных взглядов относительно преобразования природы). Хотя тема любви является вторичной в поэме, она подсвечивает человеческой личностью социальную проблематику: гражданская любовь к природе, родной Селибе ставится рядом с интимным чувством к женщине. Это разные грани одной созидательной Любви, очищающей душу от прагматической обывательской «грязи», возвышающей ее: «Скажы, прырода, ці не гэтак, / Як сэрца вечнае жаночае, / І ты на ростанях сусвету / З узкіх шляхоў – адзін высочваеш?..» Отношения человека и природы взаимозависимые: они вместе держат «адзіны сподак – Жыццё», не разбить, сохранить жизнь на Земле-Селибе по силам человеку, это является его обязанностью. Узкий, на первый взгляд, образ селибы, где когда-то «асеў бяглык-язычнік», географически значительно более объемный, селиба предстает как вся планета: «Квітней, мая Зямля – мая Сяліба».

От Селибы-Земли к космическим просторам обращается авторская мысль в следующей поэме «Прыцягненне» (1978 – 1979). Посвященная белорусскому космонавту Владимиру Ковалёнку, земляку писателя, она представляет собою лирическое размышление о человеке и его месте во Вселенной.

Ключевой в лирике сборника «Світальныя птушкі», куда под названием «Агонь і сонца» входила поэма, мотив «взаимопритяжения» Земли и Неба – один из основных и в лиро-эпическом произведении. С Землей связывается все самое дорогое, родное, с Небом – вера в мечту, стремление к неизведанному, причем противоположные стихии одинаково необходимы человеку. Полюсами привязанности для В.Ковалёнка, героя поэмы, выступают ночное небо, откуда зовут в полет звезды, и знакомые с детства места с говорящими названиями – Белое, Подберезье, Клен, Зеленая Пуца, возвращающие на Землю.

Земля в творчестве В.Зуёнка, «вечного пахаря» на поэтической ниве, выступает наибольшей ценностью. Вместе с тем, по наблюдению И.Шпаковского, этот автор, возможно, самый последовательный «культовик солнца» среди белорусских писателей. В произведении происходит определенное разграничение мира поэтических привязанностей В.Зуёнка: земное он «оставляет» себе, небесное «отдает» своему герою, при этом две ипостаси не противостоят, а взаимодополняются, высвечивают разные грани человеческой сущности. Поэт и космонавт – два крыла необычной, фантастической птицы – птицы устремлений Человека, связующего звена между Землей и Небом.

Несмотря на необходимость человеку Неба, главная для него все же Земля. Известно, что на космическую орбиту В.Коваленок взял томик стихов В.Зуёнка «Нача» – «кавалачкам Радзімы», «лістком Зялёнай Пушчы» вместе с ним по бескрайнему галактическому пространству летел и поэт: «Я ляцеў, каб з роднаю зямлёю / Нітаваўся вырай твой высокі. / “Вось яна – не расставайся з ёю”, – / І крылом я расхінаў аблокі. <...> / Чуеш – вецер у дубах зашастаў, / Чуеш – хваляй б’ецца ў бераг Нача, / Чуеш – камень уздыхнуў мышасты: / Метэорны сон, відаць, пабачыў...»

Концептуально значимым образом в поэме В.Зуёнка выступает символическое земное притяжение, которое понимается не просто как физический закон, а становится духовной обязанностью каждого. Авторская мысль направлена именно на утверждение «духовного притяжения»: «Зямля мая, / Не дай нам адарвацца, / Ляці за намі / Ё тысяччу пагонь <...> І, можа, сэнс галактыкі – / Смаргонь / Ці Лукам’е / Ё світанні сітнягоў, / І крылы мы ствараем, / Каб вертацца». Привязанность к родному, кровному, нахождение «смысла галактык» в любви к Родине делают человека действительно человеком, не дают ему стать пылинкой в безграничье духовной невесомости.

Поэт беспокоится о сохранении естественного равновесия в системе Земля – Космос. Планета людей с высоты космической орбиты и высоты поэтической мысли видится маленькой слезинкой («Яна слязінкаю дрыжыць, / А на слязінцы – людзям жыць...»). Глобальная забота человечества заключается в том, чтобы помешать слезинке-планете раствориться в громадном океане галактики: думая о Земле, человечество думает о своем будущем.

Забота о дне завтрашнем для В.Зуёнка неотделима от памяти о прошлом. Поэма «Лукам'е» (1980 – 1983) – по воле автора она стала первой частью трилогии «Агонь і сонца», куда вошли и два предыдущих произведения, – посвящена исторической теме. Сюжет поэмы основывается на описании жизни властителя древнего Лукомского княжества, жившего пять столетий назад.

Связь времен нашла воплощение и в других поэмах, но «Лукам'е» – единственное лиро-эпическое произведение, где далекая история народа выходит на первый план, полностью овладевает вниманием писателя. Здесь речь идет о событиях белорусского Средневековья, вместе с тем поэма очень современна. На наш взгляд, насущность, современность произведения заключается прежде всего в его проблематике: центральной является проблема национально-государственной идентификации белорусского народа. Вопросы, волновавшие князя Ивана Лукомского на склоне XV столетия, не утратили своей остроты и актуальности и в начале XXI. Специфическое культурное и географическое положение предопределило Беларуси незавидную судьбу, страна всегда попадала в поле геополитических амбиций западной и восточной соседок: «Белая Русь... Нібы яблык разладу: / Вабіць пры сонцы і сніцца ўначы».

Думается, есть основания утверждать, што образ Ивана Лукомского продолжает галерею образов борцов за Белорусский Путь, а судьба таких людей, как правило, трагична. Иван старается вернуть былую силу своему княжеству, он помнит славные времена, когда на защите белорусско-литвинских земель стояли «воля Міндоўга Вітаўта меч». Автору удалось короткими, но емкими штрихами-детальками создать широкую колоритную картину жизни Великого княжества Литовского, когда оно было могущественным государством, говорило с миром на своем языке. Славное, свободное прошлое – читается в подтексте произведения – должно подсказывать единственно приемлемый для Белой Руси путь, – именно такова идейная направленность «Лукам'я».

Необычайно интересна структура поэмы, состоящей из семи глав-«мрой», повествующих о пути героя на свою Голгофу. В каждую из частей включаются значимые в идейно-смысловом плане грезы-воспоминания Ивана (только последняя переносит в будущее). Грезы князя – его предсмертная исповедь самому себе – ретроспективно возобновляют наиболее важные моменты жизни Лукомского. Введение голосов летописца, отца, крестьян и др. – еще один удачный композиционный прием. Голос летописца вводит историко-поэтическую справку о «белых русичах», рассказывает о светлых и трагических страницах их истории. Напоминанием о Родине, заповедью не только для Ивана, но и для каждого белоруса звучит Голос отца: «І на паклон адзінае / Мушу сказаць сынам: / Здраджваем мы Радзіме, / Радзіма – не здрадзіць нам. / <...> Страшней, чым зямля без неба, / Страшней, чым пятля на суку, / Здрадзіўшы, бачыць з хлебам / Працягнутую руку...» Голос времени говорит о направленности прогресса: «ад камня да стралы» и «ад стралы да кулі». Тень Ивана Лукомского выступает против кровавого прогресса и в то же

время спешит туда, где его сыновья готовятся к битве с чужаками. Тем самым В.Зуёнок признает справедливость борьбы за собственное достоинство, за волю и самостоятельность своей Родины.

Отстаивать право на свободу уже в других исторических условиях приходится и героям поэмы «Маўчанне травы» (1974 – 1978), отмеченной Государственной премией Беларуси имени Янки Купалы (1982). По охвату материала, значимости поднятых писателем проблем «Маўчанне травы» близко к классическому эпосу – ее не без оснований называют хроникой (К.Цвирка), романом в новеллах (В.Ярец). Событийную основу произведения составляет жизненный путь простого крестьянина, соотнесенный с трагическими периодами истории, когда ставились под сомнение выработанные столетиями критерии справедливости, ломался вековой уклад жизни. Произведение имеет подзаголовок «Паэма лёсу»: «За кожным канкрэтным чалавекам, – объясняет сам В.Зуёнок такое определение, – стаіць лёс яго народа. Гэтыя іпастасі і катэгорыі неразлучныя, падзяляць іх нельга. І вось тут, якраз у гэтай паэме, мой дзіцячы лёс, убацаны з вышыні сённяшняга часу, з вышыні перажытага пасля. Тыя падзеі, якія ляглі ў аснову гэтага твора, і тое, што бачылася мне ў маленстве, убагачаюцца маім наступным жыццёвым вопытам. У паэме ўсё гэта знітавана».

Первично-чувственное детское восприятие и аналитически-оценочный взгляд взрослого соединяются в образе лирического героя. Он одновременно принадлежит двум эпохам: возбуждая былое, смотрит назад, сквозь годы, глазами современности. Автор, или лирический герой, не просто составляет летопись событий, свидетелем которых был в детстве, а переживает, переосмысливает все заново, пропускает через сердце.

На утверждении испытанной временем «правды зерна» – созидательной силы духовно богатого народа – основывается гуманистическая концепция поэмы. Носителем этой правды в произведении выступает прежде всего Василь, прототипом которого послужил отец поэта. Целостность характера героя проявляется в различных ситуациях, на всех жизненных дорогах Василь не теряет своих качеств: совестливости, доброты, душевной красоты, моральной чистоты, рассудительности, трудолюбия, свойственных национальному этнотипу. Белорусский крестьянин всегда знал единственную неизменную заботу – работать на земле.

Благодаря сильному духовному стержню, вере в справедливость, Василь не предаёт ни живых ни мертвых, не теряет верности земле даже в самое сложное время – военное. Герою, мирному труженику, не просто понять страшный смысл войны: «І той, хто народжаны сеяць і жаць / Ды плугам аблогу дзерці, / Крывавую ношу павінен узяць: / Забіваць у імя бяссмерця...»

Чувствительная душа Василя не может оправдать даже такую кровь. Герою В.Зуёнка, как и всему белорусскому крестьянству, близки пацифистские взгляды на бытие, и все же он вынужден признать, что «не ў жыцце / Вырастае праўда ў гэткі час», – «праўда зерня» временно (!) уступила место «праўдзе барацьбы». Василь это понимает, но долгое время не принимает сердцем («Навошта ж і неба і гэта зямля, / Як вечна такое будзе?..»), и только смертью соединяет он две правды.

«Маўчанне травы» можно одновременно считать поэмой предостережения и поэмой памяти, напоминающей о великой трагедии прошлого и вместе с тем предостерегающей от ее повторения в будущем. Воспоминания о лично пережитом наполняют поэму тонким лиризмом, особенно заметном в лирических отступлениях: философских размышлениях о жизни и человеке, глубоких раздумьях о судьбе страны и народа и др. Например, в разделе «Веснагорка» предстает образ родного края. Живописная местность Весногорка, где когда-то остановился давний предок, становится центром, откуда расходятся концентрические круги авторских мыслей, расширяясь по принципу ассоциативности до образа всей Беларуси. Монолог лирического героя пронизан чувством любви к Отчизне, тревогой за судьбы ее детей.

Обеспокоенность судьбами современников и родной страны стала лейтмотивом заключительной поэмы пентологии – «Падарожжа вакол двара» (1989 – 1990), названной автором «паэмай смутку і надзеі». В.Зуёнок сосредоточивается на самых острых проблемах современности, ищет их корни, реалии сегодняшнего дня ставит в широкий историко-культурный контекст. Раздумья о своем народе вызваны личным горем – смертью матери. Трагедия сына обостряет чувства поэта, гражданина, человека, сердце которого, разбереженное личной болью, чутко откликается на все тревоги мира. Чувство непоправимой потери выходит далеко за рамки сыновней, расширяется до потери «вообще человеческой, жизненной» (А.Станюта).

День похорон матери в поэме В.Зуёнка нарушает налаженный порядок («...І агонь, як душу з печы холадна вырвалі...») – смерть отняла у жизни мать, затушила огонь ее души. Лирический герой не может смириться с этим, он видит мать возле теплой печи, где готовится пища, печется хлеб... Образы мать – огонь – печь – хлеб связываются в одну семантическую цепочку, заменяемую концептом «жизнь». Каждый из этих образов тем самым наделяется дополнительным смыслом, приобретает большую значимость; и мать, и огонь, и печь, и хлеб в отдельности и вместе совершают святое дело – продолжают и поддерживают жизнь.

При помощи образа печи, а точнее, дымохода, изображен в произведении ход истории, ретроспекция существования белоруса – от курной избы до горницы. Дымоходы изведали вместе с человеком доброе и злое, причем последнего было немало: послевоенные пепелища, птичьи гнезда на крышах «раскрестьяненных» деревень, смертоносные трубы реакторов... По горькой иронии судьбы печь – мифопоэтический символ жизни – стала «маленькім хатнім Чарнобылем», «благодаря» псевдопрогрессивному развитию человечества, перешла на службу смерти – в поэме, таким образом, очень сильным становится мотив самоистребления.

В связке с проблемой Чернобыля предстает объемная проблема самобеженства со своего двора (выражение «самобеженцы» относительно произведения употребил Р.Бородулин). Отчаянный плач переселенцев-беженцев слышался лирическому герою в годы военного детства, еще более болезненно воспринимается им горе вынужденных переселенцев-«чернобыльцев» в мирное время. Другая, не менее важная и трагическая грань проблемы – добровольный отказ от своего двора сельских жителей, увлеченных мечтами о городском Эдеме. В результате масштабной по размаху акции – переселения молодежи в города – многие деревни оказались заброшенными, а вместе с этим стали забываться и народно-крестьянская мораль. Еще одной стороной проблемы явилось чуть ли не тотальное «самобеженство» от своего языка и культуры. Все это привело к потере исторических корней, пренебрежению культурной памятью, белорус перестал чувствовать себя хозяином на собственной, отцовской земле («Мы як прышэльцы на сваім двары / Мы бежанцы ў сваёй уласнай хаце...»).

Лирический герой поэмы не желает быть чужим на родном дворе, который становится для него «цэнтрам сусвету» и духовной опорой в неустойчивом современном мире. Любовь к малой родине – неизменная константа творчества В.Зуёнка, в последней поэме эта любовь еще больше локализуется, сужается до образа родного двора. «Большое» чувство национального патриотизма рождается именно из «малой» любви. Поэт не голословен в своем выражении патриотизма, не бросается звучными фразами, он персонифицирует гражданское чувство в знакомых с детства реалиях (родной двор), в конкретном человеке (мать), чем переводит его в сферу интимно-личную. В.Зуёнок ставит в один ряд понятия «мама, мова, Радзіма, народ»: они выступают как равнозначные, одинаково дорогие поэту.

В конце прошлого века В.Зуёнок выступил в новой писательской ипостаси – в качестве прозаика: в печати начали появляться его произведения с не совсем обычным для прозы жанровым определением – «элегия». Традиционно в литературоведении этим термином называют лирические

стихотворения, в которых выражается печаль, уныние, меланхолия, вызванные личным несчастьем или социальной неустроенностью. Однако В.Зуёнок неслучайно так назвал свою прозу, по его мнению, это определение «найбольш поўна ахоплівае створаную аўтарам рэальнасць – ланцужок жыцця чалавечага, дзе пераважае смех праз слёзы, і фінал – шчымліва-сумны (прынамсі, для гэтага, канкрэтнага, чалавека), а то і трагічны... Элегія жыцця».

Особенно сильно трагизм жизни выражается в произведениях, посвященных судьбе «маленького» человека в современном мире: «Супоня», «Штаны», «Чаравікі для баўэра», «Электрашокер». Их герои попадают в сложные, часто безысходные ситуации и не имеют возможности, сил (физических и моральных) вырваться из тупика. Обратим внимание, что автор не обнадеживает их, не предлагает выхода. Общей для элегий является проблема несвободы человека, личной и социальной. Она отчетливо звучит в подтексте прозаической элегии «Штаны» (1999), главный герой которой Хомка с самого детства был зависим – от собственных порток. Они были для него счастьем и смыслом жизни, возможно, единственной заботой и привязанностью, пока не стали руководить поступками Хомки, не заслонили собою его личность. «Здавалася ўжо, што Хомка не жыве, а ідзе штанамі – ад хаты да хаты, ад спадніцы да спадніцы... Зрэшты так яно і было – і вёска ўжо звыклася з гэтым: дзе штаны, тля брыджы вайсковыя, на вяроўцы ці на штыкеце засвяціліся, перамытыя, на перасушку, – там Хомку і шукай...» Здесь, как, собственно, и в других произведениях В.Зуёнка, присутствует комический момент, однако смешное позже оборачивается драмой и даже трагедией.

Легкая и беззаботная жизнь героя вдруг закончилась: напомнила о себе служба в секретных ракетных войсках, когда части, в которой служил Хомка, пришлось «ликвидировать» утечку радиации. Умирая от полученной в армии болезни, Хомка просит жену сжечь некогда такие любимые штаны и китель, потому что они, как проклятием, пронизаны насквозь радиацией – «Як і я вось – насычаны і перанасычаны...»

Проблема несвободы еще более заострена в элегии «Супоня» (1999), главный герой которой Муня, как и его друзья Кортик и Дебет, оказался за бортом жизни, чувствует свою ненужность. Из-за недоразумения с начальством он вынужден был уволиться с работы в райгазете, не принесла счастья жизнь с молодой женой, вышедшей за него замуж из корыстных побуждений. Жизнь Муни в деревне похожа на замкнутый круг, каждый новый день повторяет предыдущий: игра в карты, выпивка, наивные разговоры о политике, о смысле жизни... Бывший газетчик, глубокий и умный человек, чувствует напрасность такого существования, но не способен что-нибудь изменить. Он уверовал в фатальную неизбежность, предначертанность

свершающегося, убедился в том, что все запрограммировано свыше и неподвластно человеческой воле. Свой взгляд на жизнь Муня раскрывает в разговоре с Кортиком: «От, ты кажаш: «хамут...», а хочаш – я табе скажу: хамут гэты – усё жыщцё наша. І нехта, самы хітры і нахабны, зацягвае супоню... <...> Воля – яна толькі ў марах... <...> Мільёны нас, мільёны – і на кожным хамут» .

Одинокий, никому не нужный, Муня не видит «горизонта» в жизненном море и кончает жизнь самоубийством, таким образом будто бросает вызов тотальной предопределенности, стремится утвердить право человека на свободу. Но своим последним поступком ничего не изменяет: вечному небу нет дела до того, что одной пылинкой-человеком на земле стало меньше...

Судьба другого «маленького» человека Ёсипа, героя элегии «Чаравікі для баўэра» (1999), предопределилась самим его рождением (в Германии, от грешной любви Мархвы с офицером, сыном хозяина). С детства он будто носил печать проклятия, терпел насмешки односельчан, страдал из-за издевательской клички Бауэр. Чем больше мать любила и жалела его, тем больше он пренебрегал ею и ненавидел своего неизвестного отца, хотел стать таким, как другие. Ёсип «падсвядома адчуваў, што адкараскацца ад гэтага наканавання яму не выпадзе, не ўдасца кроў таго, невядомага, штурхалася ў ягонных жылах...» Неспособный и ленивый к учебе и работе, он с нетерпением ждал службы в армии, куда, однако, его не взяли из-за банального плоскостопия – единственная мечта парня «очиститься», сровняться с остальными разбилась.

Со временем Ёсип, кажется, привык к собственной ненужности: ничего его не интересовало и не беспокоило, кроме своей обиды и желания высказать ее – написать письмо в Германию, Ёшке Фишеру, с требованием моральной и материальной компенсации. Потому как справедливую награду за свои несчастья, «пропуск» в новую жизнь Ёсип воспринял блестящие ботинки из немецкой гуманитарной помощи. Вот только домой он в них дойти не успел: намокшие от дождя, они расползлись, потому что были из специального похоронного комплекта. Трагикомический случай имел для героя глубокий смысл, стал знаковым и засвидетельствовал окончательный крах надежды устроиться в жизни.

Так же нелепо разбивается единственная и последняя надежда героя элегии «Электрашокер» (2000). Бывший партизан Ахрем мечтает освободиться от нестерпимой головной боли, напоминающей об убитом им в годы войны (хотя и не по собственной воле) однокласснике. Проблема преступления и наказания остро поставлена писателем: спустя много лет суд собственной совести и памяти – неподкупный и жестокий – карает Ахрема. Герой надеется,

что «отключить» память и успокоить душевную и физическую боль ему поможет аппарат, о котором слышал по радио. Но приобретенный по льготной ветеранской линии электрошокер предназначен совсем для иных целей. Употребив аппарат в качестве лечащего средства, Ахрем попадает в абсурдную ситуацию, но именно это и усиливает его драму: автор дает понять, что и самые современные настоящие лекарства не помогут заглушить голос совести, снять боль вины.

События названных элегий развиваются на широком историческом фоне: тревожные сталинские годы и война, горбачевская перестройка, отголоск Чернобыля, современная жизнь белорусской деревни с пьянством, экологическими проблемами, неперспективностью. Однако автора не столько интересуют общественные события, сколько их воздействие на судьбу «маленького» человека. Писатель исследует его внутренний мир, проникает в душу и видит там растерянность, безразличие, безверие – именно поэтому его элегии тревожные, грустные, наполненные болью за человека. «Красота элегий Зуёнка, – справедливо замечает критик Д.Бугаев, – во многом держится на богатстве и тонкости их эмоционально насыщенной стилистики, на умении автора кратко, но всегда точно очертить человеческий характер персонажа колоритным в своей выразительности <...> словом, за мастерским владением которым чувствуется опыт работы в поэзии». Писатель и в прозе остается поэтом – поэтом-гуманистом, для которого важны ежедневные «мелочи» жизни и бытийные философские вопросы, душевное состояние отдельного человека и судьба всего Человечества.

Самобытный талант, свежесть художественного мировосприятия, жизнеутверждающий пафос, общезначимость проблематики делают созданное В.Зуёнком яркой страницей не только национального словесного искусства. Переведенные на многие языки мира – русский, болгарский, украинский, английский, французский, литовский, грузинский и др., – произведения белорусского автора стали приобретением славянской и мировой литератур.